

Марина Ким Челси. Правила игры

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183569
Челси. Правила игры: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-055433-1, 978-5-403-01586-8*

Аннотация

Марина Ким не первый год живет в Лондоне. Ее книга – это дневник «юного натуралиста», пристально наблюдающего за поведением богатых англичан в естественной среде обитания. Мир шика и лоска, который открывается перед восхищенным зрителем, похож на обманку: ослепительная поверхность и непредсказуемое нутро...

Мечта любой девочки, голубоглазой и не очень, – принц на белом коне, благородный юноша дворянских кровей. Рекомендуем открывать сезон охоты на принцев не на Рублевском шоссе, а прямиком отправляться в самый престижный район Лондона – Челси. Именно здесь попадаются самые отборные экземпляры, с прекрасной родословной и отменными манерами. Есть, правда, одна маленькая проблема... Принцы женятся ТОЛЬКО на принцессах. Или?..

Содержание

Вступление	4
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	29
Глава 5	30
Глава 6	32
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Ким

Челси. Правила игры

Около девяносто пяти процентов книги основано на реальных событиях. Имена существующих прототипов персонажей изменены, всякое совпадение является случайностью. Образ главной героини, также как и остальных участников романа, является собирательным и ни в коем случае не отражает жизнь конкретного человека.

Вступление

В некотором среднеазиатском царстве, третьего мира государстве, жила-была девочка-несмышлёночка со своими бабушкой, дедушкой, а также мамой и папой, которые, хоть и были постоянно на работе, дочку любили, холили и лелеяли. У девочки была сестрёнка-близняшка: они делились одеждой, туфлями, бантиками, а позже (иногда) и мальчиками. В общем, обычная советская семья республики Казахстан.

Как денди лондонский одет с самых своих неспелых лет в те же годы (примерно в начале восьмидесятых двадцатого века) жил в небольшом поместье в английском графстве Глоусестешир симпатичный голубоглазый мальчик, носивший благородную фамилию Вон Клозен. У него тоже была сестрёнка, хоть и не близняшка. Мальчик её любил и охранял от нападок обидчиков, но никогда не дрался, даже за сестру, потому что это был английский мальчик, а им драться не позволено, это ниже их достоинства... «Сэр, неужели ваши дети дерутся?! Не могу в это поверить! Это же неприлично. Вы, видимо, не имеете никакого представления о манерах. Боже мой. Я теперь точно с вами водиться не буду».

Девочка из среднеазиатского царства-государства читала много сказок. Она верила в леших, вызывала домового и как-то даже утверждала, что нашла волшебную палочку.

Английский малыш верил в доблесть и честь своего рода. Он любил королеву и знал наизусть имена и годы правления всех когда-либо живших монархов Британской империи. День рождения королевы в их семье справляли как свой собственный.

Девочку учили, что все люди равны, что нельзя испытывать чувство превосходства, даже если ты лучше, что богатство и роскошь – это плохо и что «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» за то, что они эксплуатируют рабочий класс.

Мальчик с самого детства привык к преклонению. Благородная приставка «Вон» творила чудеса. Да, его тоже учили, что людей надо любить, но добавляли, что, увы, не все люди равны. Его родители не были высокомерны, но их слуги, работники поместья, сами называли молодого мальчика хозяином и вели себя так, как будто он лучше них и членов их семей. Они даже не позволяли ему играть наравне с их детьми, говоря, что кожа маленького лорда очень нежная и с ним нельзя играть в пятнашки, что он умнее и, значит, ему следует быть судьёй, а не участником игр, что он благородных кровей и нужно привыкать к этому с самого начала. Они хотели, чтобы их дети тоже привыкли видеть в нём персону, более значительную, чем это было на самом деле.

Сначала мальчик Вон Клозен очень переживал по этому поводу и даже плакал, когда наблюдал со специально выстроенного маленького помоста, как деревенские мальчишки шли «стенка на стенку». От этого у него выработался особенный отстранённый взгляд в никуда, который вскоре будет так привлекать юных леди. Иногда к нему на помост присоединялись воспитывающиеся в таких же условиях дети других дворян, живших неподалёку.

На самом деле, лёгкие безвредные игры с детьми из равных семей поощрялись: играть можно было со всеми, кроме Джорджи, племянника королевы, семья которого тоже жила по соседству. Родители опасались, что, если вдруг их ребёнок выиграет у маленького Джорджи, их перестанут приглашать к королеве на чай. Да, среди тех, кто был на помосте, также существовал свой табель о рангах: чем ближе к трону – тем сложнее и строже!

Родители подсовывали своим отпрыскам шашки, шахматы, деревянных пони, машинки, дудочки, свистульки – но все было бесполезно. Дети, привыкшие быть созерцателями, судьями, не хотели играть. Юные дворяне стояли на помосте, каждый минимум в полуметре друг от друга (стоять ближе считалось неприличным нарушением личного пространства!), и тихо, очень тихо, лишь изредка перебрасывались словом-двумя, без выражения каких-либо эмоций или личного мнения об игре деревенских детишек. Выражение личного мнения, а тем более сожаления, что не можешь участвовать в игре, жестоко каралось родителями: за детьми тщательно следили, приставив для этого несколько воспитателей и гувернанток.

Работники поместья Вон Клозенов вовсе не были безграмотными людьми, просто они поддерживали основу английского общества – разделение на классы. Они искренне верили, что классовая система – это хорошо, и хотели, чтобы их дети тоже научились её уважать. Если люди привыкают к своему положению с детства, то не будет революций, а значит, перестроек и потрясений для общества. Если хозяева хорошие, а к статусу ты привык, то что ещё надо для того, чтобы жить хорошо и сыто?! Вопрос, естественно, риторический...

Маленькая девочка из республики Казахстан, взрослея, помимо сказок уже читала Джейн Остин. Она мечтала встретить мистера Дарси, хотела иметь лошадь и небольшой замок с камином. А однажды ей приснился он... Он целовал её в парке у реки. Палило июльское солнце. С пригорка на них взирал позолоченный Будда, покрытый панамой беседки.

Маленький Вон Клозен, взрослея, не то чтобы мечтал о девчонках, но иногда ему тоже хотелось встретить какую-нибудь такую, не похожую ни на кого, ветреную пиратку, которая не станет смотреть на него снизу вверх, а стащит его с помоста, будет искренне высказывать свое мнение и даст ему пощёчину, если он её заслужит, несмотря на всю нежность его фарфорового тела. Как-то ему приснилась она... В синем платье до колен, идущая с красным флажком в колонне радостных демонстрантов по центральной площади какого-то странного города... Он мечтал о ней, и ему от этого было стыдно, ведь эта девочка была не такая, какую его учили хотеть... Он чувствовал себя нашкодившим двоечником и, в попытке избавиться от наваждения, пересказал сон отцу.

Отец был мудрым человеком, он не стал упрекать сына за желания, а всего лишь сказал следующее: «Не важно, какую женщину ты хочешь очаровать, не важно с какой целью, помни одно – настоящие леди всегда будут любить джентльменов. Ты легко очаруешь всех женщин, которых захочешь, если будешь безукоризненно благороден, хорошо воспитан и галантен. При этом в тебе обязательно должна чувствоваться сила и власть. Стань таким на самом деле, не притворяйся. Тогда они будут твоими. Не обещай им ничего и не обижай их. Люби в них женщину, в каждой из них люби женщину, тогда тебе будет проще не привязаться к одной из них. Если нравятся тебе иностранки – вперёд! Я тебя понимаю: то, что не такое, как ты привык, влечёт, и, если тебе открывают дороги, – иди и владей. Когда же придёт время жениться или даже если ты просто задумаешься о серьёзных отношениях, выбери такую, с которой легче. Для этого важно, чтобы у вас были похожими воспитание, образование и друзья. Она должна быть из твоего круга, не потому что мы снобы, – так просто легче, пойми, меньше различий, меньше эмоций и больше здравого смысла. Женщину из твоего круга легче примет общество. А зачем тебе с ним конфронтации? Не ищи сложных путей, не надо. Потенциальную жену нужно выбирать головой, а не сердцем».

Позже, к двадцати пяти годам, Вон Клозен переедет в столицу заново обживать трёх-этажный семейный дом на улице Понт-стрит в Челси. Он будет весело кутить в самых знач-ных, дорогих местах и следовать наставлениям отца очень тщательно и уже даже неосо-знанно. Когда-то это были наставления – сейчас же они влились в его характер. И прав был папа: женщины валились к его ногам, а точнее, в его постель еженочно, разных националь-ностей, профессий, внешности...

В стране девочки к тому времени случится революция, и, к сожалению, её страны больше не будет. Именно в этот тяжёлый момент она расстанется с парнем, с которым встре-чалась два года. Прошрое как будто поставит точку в её прежней жизни. Однажды девочке приснится небо Лондона, под которым, через некоторое время, она и окажется...

Глава 1

Прекрасное далёко

Челси – это не только футбольный клуб мистера Абрамовича и имя бывшей подружки¹ принца Гарри. То, что теперь прочно ассоциируется с достатком, довольством, добротностью, на самом деле обозначает престижный район в юго-восточной части Лондона. Цены на квартиры в этой части города растут ежегодно на дрожжах новых денег, заполонивших столицу Англии благодаря налоговому раю для богатых, устроенному Тони Блэром.

Челси соседствует с Белгравией, Бромптоном и Найтсбриджем. «Золотые» почтовые коды дорого стоят, но они себя оправдывают: именно поэтому богатые и знаменитые покупают квартиры и дома в юго-восточной части Лондона.

Сердце Челси – Слоун Сквэр, площадь, от которой отходят артерии улиц с дорогими магазинами – Кингз-роуд (буквально «дорога королей») и Слоун-стрит. Проживая здесь, вы будете покупать подарки друзьям у «Tiffany» и «Cartier», продукты – в «Waitrose» и «Partridges», путешествовать – с чемоданами «Samsonite Black Label» или «Louis Vuitton», и т. д. и т. п. В общем, скорее всего, будете довольно предсказуемы, что, на самом деле, превосходно. Именно этого от вас и ожидают другие «челсовичи», особый род людей – супerrаса.

«Челсовичи» тусуются в клубах и барах, широко разрекламированных, но малодоступных простому населению. Существует два основных класса челсовичей: аристократы (их ещё называют «слонами»,² производное от главной площади Челси – Слоун Сквэр) и нувориши (в основном это люди, которые поселились в Челси не так давно, а именно арабы, «новые русские» и реже недавно разбогатевшие англичане).

Аристократическая прослойка «слонов-челсовичей» распознаёт друг друга по особому «роскошному выговору», как они его называют, «posh»,³ а также по фамилии, кругу друзей и школе, где человек учился. В наше время аристократы и просто люди из высшего англо-саксонского общества в своих привычках, традициях, образовании и воспитании почти идентичны, так что не грех объединить их в одну категорию. «Слон-челсович», настоящий, исконный – это нечто более значимое, чем просто житель определённого района Лондона, это статус, который ни за какие деньги не купишь. Дело именно в воспитании, образовании и традициях, которые проявляются в мелочах. Как говорится, джентльменами становятся минимум через три поколения джентльменов.

Другая часть, нуворишская, узнаёт своих по счёту в банке. Внешне это проявляется в особенной ухоженности человека, в дизайнерах, которых он выбирает, ресторанах, где у него забронирован столик, в машинах, на которых он ездит исключительно с красивыми людьми (даже если сам «челсович» неказист), в клубах, где он развлекается.

Жизнь «челсовичей» – сплошная вечеринка. Ежедневно они приглашают друг друга на обеды, а после – расслабляются в барах, затем идут в клуб, после клуба обязательно на «afterparty», то есть «послевечеринку», «вечеринку после вечеринки». Затем, утром, некоторые «челсовичи» идут на работу, некоторые спят до обеда, а там, глядишь, ещё один званный обед (на столе лежит десяток приглашений), после – в бар, клуб и по-новой. Нескончаемый поток высококачественного алкоголя в крови, секс и кокаин – как это ни банально, развлечения, зачастую купленные родительскими деньгами.

¹ Принц Гарри расстался со своей подружкой Челси Дэви в январе 2009 года.

² От слова «Sloane square», центральной площади Челси. «Sloanes» – это ещё одно распространённое название аристократов, проживающих в Челси.

³ Роскошный, привилегированный (англ.).

Я оказалась в этой части города случайно, сняв квартиру со своей английской подругой на Роземари-авеню. Не теряя времени, мы стали изучать здешние места отдыха. Разница в обслуживании, качестве заведений и особенно в ценах по сравнению с остальными районами Лондона была значительна. Однако мы особо над этим не задумывались, тратя деньги направо и налево (совершенно непонятно, откуда они брались!), так что вскоре замной укрепились необоснованная слава дочери «того самого потайного русского олигарха». Многие наши знакомства и неожиданная репутация супербогатой русской открывали закрытые двери. Дни и ночи пролетали незаметно и весело. Ощущение праздника в душе входило в привычку.

Из ночных клубов чаще всего мы проводили время в «SW»,⁴ находившемся всего через пару улиц от нашего дома. Там мы заводили новые романы, гуляли до утра, в общем, «SW» составлял значительную часть нашей ночной жизни.

⁴ Юго-Запад (ссылка на то, где находится клуб).

Глава 2

«SW»

Эми положила мне руку на бедро и уверенно повела меня танцевать. Я не сопротивлялась её движениям, и нас закружило в танце. В начале следующей песни я осмелела, сама привлекла её к себе и, ничего не говоря, поцеловала. У меня не было эротического опыта с женщинами, но в эту ночь я словно опьянела. Её волнистые чёрные волосы, медальон в маленькой ложбинке между грудей, обтянутых весёлой тельняшкой...

В клубе царила атмосфера вседозволенности, и я ей наивно поддавалась. Вокруг извивались чужие тела, особенно запомнились два, в чёрных платьях, благодаря их волнистым фигурам (волна груди, волна живота, задняя волна, волна коленок и маленькие волны пальцев ног), а также юбка в пронзительно красных цветах, и мужчины, обязательно в рубашках классических «мужских» цветов, преимущественно сити-бойз⁵ и молодые аристократы, в общем, огромное количество «*pernickety little bastards in your fancy dress who just judge each other and try to impress*».⁶ Данс-фло очень модного ночного клуба. Лондон отрывался по полной.

Ночной клуб «SW» (а по-русски «SW») – members club,⁷ один из тех, в которые посторонним вход воспрещён. За 2000 фунтов в год можно приобрести членство, и тогда «шкафы безопасности» на входе приоткроют свои дверцы и позволят вам войти. Однако не каждому даётся такая возможность. Новые члены должны быть рекомендованы, по крайней мере, двумя старыми. При отсутствии подобных связей или знакомства с главным менеджером клуба извольте толпиться снаружи и не удивляйтесь, если вас, продержав добрых полчаса в очереди, не пустят-таки внутрь святыни, где звёзды озаряют небосклон простых смертных...

Остаётся неясным, что на самом деле влечёт последних в подобные заведения. Starspotting,⁸ чтобы на следующий день было о чём посплетничать с друзьями? Возможный поворот в карьере (ведь здесь можно познакомиться с продюсерами фильмов, музыкальными продюсерами или завести знакомства с теми, кто вхож в высший свет)? А может быть, это решимость получить известного и богатого бойфренда или любовника? Скорее любовника... Богатые и знаменитые слишком боятся быть использованными и редко переходят через край постели в амур, предпочитая серьёзные отношения с теми, кого считают ровней... Почему же, смиряя гордость и униженно ожидая разрешения войти, разодетые в пух и прах леди и джентльмены стоят у входа в «SW»? Такие же клубы, несомненно, есть в Москве, Нью-Йорке, Риме... Знакомо?

Рука менеджера Джона была единственным, что видели толпившиеся снаружи люди. Тело Джона скрывалось за зеркальной дверью в клуб. Рука указывала на людей в толпе: «Да», «Нет», «Этот», «Та», «Да», «Нет». В зависимости от взмахов этой руки в толпе вырывались вздохи облегчения или кипела злость. Потратив целый вечер на макияж и поиск подходящей одежды, уходит прочь обиженная отказом девица из Индии... Менеджер её не знает. Она не похожа на супермодель, которую можно впустить для развлечения важных клиентов клуба. Ничем не примечательная, по всему видно, что замученная жизнью официантка в иранской забегаловке, проживающая в третьей зоне в восточном Лондоне,⁹ а может, Брикс-

⁵ Мужчины, работающие в Сити, деловом районе Лондона.

⁶ «Придирчивые маленькие ублюдки в модном прикиде, которые только и делают, что осуждают друг друга и стараются произвести впечатление» (из песни Джеймса Бланта «3 Wise Men»).

⁷ Клуб строго для его членов.

⁸ Охота за «звёздами».

⁹ Непрестижная часть Лондона.

тоне.¹⁰ У таких даже запах и взгляд другой, чужой. Что она о себе возомнила? Танцевать в клубе вместе с Робби Уильямсом?! Увы, на ярмарке тщеславия не каждому есть место.

Эми знала Ричарда. Ричард – друг Джейсона. Джейсон – друг Грегга. Грегг – сын Отиса. Отис – известный в семидесятых певец, который до сих пор водится с правильными людьми. Так, через цепочку знакомств, Эми и я в первый раз попали в этот клуб. Засветившись там однажды, было легче попасть туда в следующий раз.

Клуб не отличался особенным интерьером. Скромное и очень маленькое помещение, состоящее из четырёх комнат: одной общей и трёх VIP. Люди, составляющие ядро клуба, слишком привыкли к роскоши, им хотелось чего-нибудь попроще, им приелся шик.

На эти четыре танцевальных квадрата было четыре секьюрити, одинаково одетых в чёрное и практически сливавшихся с угрюмыми коричневыми стенами. Диджейская будка стояла в центре общей комнаты, пять прямоугольных столиков ютились вдоль одной из стен. В VIP-комнатах было всего по два стола. На них неизменно стоял «Дон-Периньон», «Кристалл», также часто заказывали «Крэнбери шотс», фирменный коктейль «SW». Говорят, когда в одной из «особых» комнат развлекались отпрыски королевской семьи, официант всю ночь носил им обычную водку-редбул. Странная человеческая природа: те, кто наверху, хотят спрыгнуть, а которые внизу – карабкаются, карабкаются, но всё равно не дотягиваются, оттого и встают на свой толстый кошелёк в нелепо-отчаянной попытке казаться выше.

Мой поцелуй с Эми закончился разговором. Она мне призналась, что спит с Эндрю Х., владельцем известного в Англии модельного агентства. Они друзья, и Эми его постоянная любовница, хотя за секс он ей платит: 900 фунтов в час. Неплохо, при минимальном уровне зарплаты в 5, 73 £1/ph.¹¹

– Он говорит, что в его агентстве, как и во многих других, заказать можно почти девятьюстами процентов девушек. Безусловно, быть моделью более гламурно, чем, например, эскортом, но часто эти две вещи совместимы... Известные модели стоят на порядок дороже неизвестных. – Эми показала мне мартовский номер одного глянцевого журнала, на обложке которого красовалась эффектная шатенка. – Она, например, стоит пятнадцать тысяч за ночь. Очень известная модель. Мой друг заказывал её. Правда, сказал, что деньги на ветер: легла звёздочкой и всю ночь так... Застыла, как на обложке.

– А с тобой?

– Я не модель. Я медсестра. Ха-ха.

Эндрю Х. любит игры с переодеванием, и Эми его медсестра. На самом деле, Эми работает в банке: очень серьёзная должность, ответственная работа, стресс... Не то чтобы ей нужны деньги, не то чтобы ей нравится Эндрю... Просто не хочется ей, чтобы её воспринимали только как умную, деловую железную бизнес-леди. Когда Эми не на работе, она хочет быть шлюхой. Мужчины, с которыми она знакомится на презентациях, конференциях, вечеринках, так или иначе узнают, что она занимается финансами, и автоматически вырабатывают к ней уважительно-партнёрское отношение. Правду говорят, что мужчины не любят умных женщин... Некоторые даже её побаиваются... Так что, позже, в постели, они не могут элементарно расслабиться и просто её трахнуть. Они занимаются с ней любовью, нежатся, милуются, гладят, целуют... Эми не хочет этого. Мария, Элис, Стефани, быть может, хотят. Но не Эми. Эми надоело почитание. Эндрю Х. понимает это.

Толстый некрасивый Эндрю Х. единственный, кто понимает, чего хочет Эми.

Сити-бойз вокруг нас сбрасывают стресс пережитого дня. Они опасные люди, особенно когда заходишь к ним на трейдинг-флор,¹² где работают большей частью мужчины.

¹⁰ Бедный чёрный район с огромным криминальным рейтингом.

¹¹ Приблизительно 250 рублей в час (по данным на 01.10.08).

¹² Торговый зал в банке.

Шум на этаже стоит страшный! Мужчины в галстуках, продавая и покупая акции, кричат, матерятся, ругаются хуже продавцов на местном рынке. Что касается мирового, то вот он на секунду успокоился, и мальчики взяли в рот по сэндвичу. У этих мальчиков мира больших финансов часто даже на ланч нет времени. Деньги не ждут. Не возьмёшь ты – возьмут другие, и пахавший как вол финансист не получит вожделенный бонус, надбавку к основной зарплате, которая выплачивается по заслугам и часто составляет основную её часть.

В 2006 году бонус-выплаты сити-трейдером составили рекордные девятнадцать миллиардов фунтов стерлингов, то есть, в переводе на «русские деньги», – умножаем на два – и это почти сорок миллиардов долларов! И помните, это же ещё не основная зарплата! Это прибавка, которая и так сама по себе составляет шестизначную сумму. К примеру, в 2005 году Майкл Спенсер, глава Intercapital, к своей триста шестьдесят тысячной зарплате получил прибавку в пять миллионов фунтов. Конечно, этот бонус больше, чем получает среднестатистический работник лондонского финансового мира, но тем не менее оным тоже жаловаться не приходится, ведь их обычная зарплата без бонуса составляет около девяноста тысяч фунтов. Молодые и амбициозные финансисты как один утверждают, что бонус в двести тысяч фунтов – это не предел их мечтаний. Миллионы, им всем нужны миллионы. Они жертвуют своей личной и общественной жизнью для того, чтобы заработать эти деньги, и уверены, что они достойны только лучшего.

Они даже женятся лишь потому, что у них нет времени на свидания. Свою будущую подругу жизни они находят либо через интернет-сайты знакомств, либо через «скоростные свидания», где холостые мужчины и незамужние женщины собираются вместе в каком-либо баре, женщины сидят за столиком по одной, а мужчины проходят по кругу, присаживаясь поговорить с каждой из женщин по десять минут, не больше, за это время предполагается успеть понять, поладите ли вы с человеком или нет, если да, то вы приглашаете тех, с кем поладили, на другие более продолжительные свидания, которые запланированы и внесены в дневник на определённое число и время, так чтобы всё было чётко расписано и вы не отвлекались на это в будущем до того самого дня свидания, прийти на которое вам напомним ваш органайзер в Блекбери.¹³ Знакомства также возможны благодаря стараниям участливых друзей, занятых не в сфере инвестиций, которые, имея на то время, вытащив финансиста на редкий ужин БЕЗ КЛИЕНТОВ, знакомят его с какой-нибудь необязательно красивой одинокой подругой, которая согласится терпеть вечное отсутствие мужа. И всё будет хорошо, и свадьба будет в ближайший год, что является чудом для обыкновенных английских мужчин, которые не женятся очень долго, встречаясь с девушками по три, четыре года, и даже тогда тоже не факт, что они женятся. У финансистов всё проще: свадьба – это точный математический расчёт, в котором обязанность жены является несложной: прикрывать тыл и предоставлять бесплатный секс без лишних хлопот и ухаживаний.

Вот они, мальчики-кошельки, бегут по улицам Сити, города в городе, «костюмчатые», неживые, загипнотизированные бессмертным дядей Доу Джонсом,¹⁴ роботы бурлящего Сити, красивые роботы, подтянутые, свежие, в отполированных башмаках, постиранных и отутюженных только что полученных с доставкой на дом из прачечной брюках, в их животах перевариваются однообразные бутерброды и кофе... Они бегут в офисы, на деловые встречи, со встреч или на ланч. Перерыв на обед проходит за десять минут, которые занимает у них спуск вниз на лифте из другого мира в наш, чтобы купить бутерброд у зевающего, нагло пахнущего ленью и тишиной продавца хот-догов или тихого беззвучного японца, разложившего на витрине свои вялые суши, и – обратно, скорее, вверх, на ЭТАЖИ.

¹³ Марка мобильного.

¹⁴ Промышленный индекс Доу-Джонса (англ. *Dow Jones Industrial Average, DJIA*), (NYSE: DJI) – один из нескольких биржевых индексов, созданных редактором газеты *Wall Street Journal* и основателем компании *Dow Jones & Company* Чарльзом Доу (англ. *Charles Dow*).

Неожиданно. Аромат лаванды. Жасмин. Ещё один. И ещё... Пробивается сквозь пот, окутавший помещение. Три девушки модельной внешности в одинаковых белых брюках и футболках зашли на трейдинг-фло. Десятки глаз оторвались от экранов, чтобы взглянуть на красавиц. Женщины, работающие в банке, так не пахнут. С часу до трёх трейдинг-фло навещают *massage girls* из «7 Heaven».¹⁵

– Мы делаем массаж головы-шеи-плеч, не отрывая вас от работы. Двенадцать фунтов без чаевых. Не желаете?

При виде этих ангелов Чарли в финансистах на мгновение просыпаются мужчины, так что каждый второй пытается вручить девушкам номер своего телефона (тогда не придётся тратить время на «скоростные свидания» и интернет-дейтинг). Однако, когда попытки остаются без поощрения со стороны девушек, которых хозяева массажных компаний строго-настрого предупреждают не злоупотреблять силой женского обаяния в таком податливом мужском обществе, мальчики вновь окунаются в компьютеры своего финансового мира. Девушки в то же время, когда финансисты ведут торги, прямо на месте доставляют их телу легальное расслабление. Всё по правилам и все довольны.

Работать Сити заканчивает очень поздно. Его подданные не спешат домой, если работа недоделана или есть возможность повернуть ещё одну сделку. Они слишком ценят престиж и серьёзность своей работы, чтобы променять её на футбол. На их рабочих местах страсти кипят не хуже. Эми говорит, чтобы выдержать такой ритм жизни, надо быть сверхчеловеком. Таких мало, поэтому часто в туалетах разных финансовых учреждений можно услышать звук вдыхаемого порошка. «To keep them going»,¹⁶ – объясняет Эми.

Те, кто вдыхает, не выдыхаются и иногда даже ходят в ночные клубы, где бессовестно тратят не важные для них тысячи на спиртное и женщин. Они считают, что живут правильно, и думают, что «they are having fun».¹⁷

Небогатые, неспешные, немного ленивые аристократы, однако, с этим не соглашаются, взирая на отрывающихся в «SW» финансистов свысока, оттого, что те вынуждены тратить свою юность, чтобы получить то, что их знатные семьи уже пережили. Им уже не в новинку замки и корабли, пусть даже большинство из них сейчас всего лишь ютится в однокомнатных квартирах в районе Фулама, а не Челси или снимает комнату у одного из инвесторов в Баттерси. Но всё же богатство у них в крови, им аристократов не удивишь и не соблазнишь: если даже и захочется вдруг устроить поездку на яхтах или отдохнуть на вилле, то у них всегда найдутся необедневшие друзья, которые их туда пустят бесплатно и ещё рады будут. Так что им незачем загонять себя работой и утомляться, всё будет и так, стоит только захотеть.

В три часа ночи «SW», как и многие клубы в Лондоне, закрывается. Весь город разъезжается по домам. Эми уходит из клуба со мной и двумя новыми телефонами в записной книжке. Один парень уходит с номером телефона Эми. На три увеличилось и число моих знакомых. Все три моих англичанина оказались... иностранцами. Не знаю, позвоню я кому-нибудь из них или нет.

Позвонила:

1. Эдвину.
2. Майклу.
3. Николасу.

В Лондоне столько красивых и интересных парней и девиц, что, как в магазине сладостей, глаза разбегаются: и то хочу, и это. Выбрать то, что надо, что тебе по душе, сразу сложно, особенно если встречаешь кого-либо в ночном клубе. Поэтому обычное дело позна-

¹⁵ Массажистки из фирмы «Седьмое Небо».

¹⁶ Чтобы они не выдохлись.

¹⁷ Они отрываються, веселятся, получают удовольствие.

комиться сразу с несколькими молодыми людьми и в течение вечера не отдавать никому очевидного предпочтения и не разговаривать ни с кем подолгу, оставаясь на уровне легкого флирта и поверхностного интереса. Вообще, лучше всего просто обменяться телефонами и потом пойти на нормальное свидание с каждым человеком по отдельности, что и практикует большинство привлекательных молодых party people.¹⁸

¹⁸ Люди, любящие вечеринки.

Глава 3

Свидания

Пункт А. Эдвин. *Свидание номер один, продолжительностью две недели.*

Soundtrack:

*I won't sleep unless you
Sleep with me tonight.¹⁹*

Эдвин родился в Голландии, но вот уже восемь лет жил и работал в Лондоне. Причина переезда, как у большинства эмигрантов, весьма прозаична: сделать деньги. Лондон – одна из финансовых столиц мира, и если ты уверен, что умеешь хорошо играть с деньгами, то туда тебе и дорога. Эдвин был трейдером в банке.

На свидание он приехал на чёрном «Porsche». Как и в ночь знакомства, с его лица не сходила победная, почти завораживающая самоуверенностью улыбка. На нём были джинсы и розовый джемпер поверх белой рубашки.

В клубе я подошла к нему первая. Он стоял в углу зала, пил «мохито». Я заметила, что он не разглядывал девушек, как многие другие парни в клубе, а просто общался с друзьями и хорошо проводил время. Было видно, что он не пришёл сюда цеплять кого-то для постели. Это мне понравилось. Он был довольно худощав, высок, с потрясающе привлекательным личиком. Я подумала, что он модель (позже выяснилось, что, как обычно, банкир).

Мы перемолвились парой незначительных фраз, и я почему-то сказала, что хочу его. Наверное, в эту ночь было выпито много коктейлей или я просто испытывала, насколько расширяются границы моего любопытства и дерзости в ночь вседозволенности. Он мне ответил:

- Меня многие женщины хотят. Чем ты особенна?
- Тем, что меня тоже хотят очень многие, но я выбрала тебя.
- Я не плачу за женщин.
- Я не сплю с мужчинами, которые платят.

Да, кого-нибудь подцепить не было его целью, но мы обменялись телефонами и договорились о встрече.

Припарковать машину оказалось не так легко, но через полчаса дело всё-таки было сделано и его «Porsche» нашёл покой за три улицы от Ридженс-парк, где мы хотели погулять. Эдвин казался очень романтично настроенным и даже взял меня за руку, когда мы гуляли. Парк дышал весной, и настроение у нас было соответствующее. Ближе к вечеру мы пошли в бар, и он также держал меня за руку. Обманчиво оказалось первое впечатление, которое он произвёл на меня в ту ночь в клубе. Его дерзость проявлялась только в улыбке и отполированном блеске глаз. Он был не отчаян и смел, а напротив, робок и влюбчив. Я начинала чувствовать, что нравлюсь ему всё больше, и больше, и он боится сделать неверный шаг и всё испортить. Было жаль, что, не делая никаких шагов, в желании очаровать меня он, по сути, пятился назад.

Он держал меня за руку добрую вторую неделю, когда я решила вновь проявить инициативу и первая поцеловала его в шею. В ответ он дотронулся губами до ямочки моей улыбки. Я недоумевала, даже была в лёгкой панике, думая, что, наверное, дело в том, что не очень нравлюсь ему. Всё-таки, когда ты интересна парню, никакие доводы, если даже таковые име-

¹⁹ «Я не буду спать, если ты не перespишь со мной» («Sleep» Conjure One).

ются, не будут ему помехой и он попытается приблизить момент постели как можно скорее. Эдвин почувствовал моё недоумение и тревогу и на следующий день пригласил меня на ужин не в ресторан, а к себе домой. Приготовил лазанью, налил вино, мы пили, слушали музыку, даже пытались танцевать, прерываясь на поцелуи.

– Говорят, что лазанья повышает сексуальное желание, – сказал он.

– Прекрасно. Я должна благодарить лазанью за то, что твоя рука спускается всё ниже и ниже по моей спине?..

– Да, именно. Твоя прелестная попка, обтянутая джинсами, не имеет к этому никакого отношения...

– О'кей, значит, я должна сдерживать себя и не позволять себе дотронуться губами до твоей груди. Это всё происки лазаньи.

– О нет, не только. Моё неотразимое тело тоже имеет значение...

– Хочешь проверить, какое на самом деле значение имеет для меня твоё тело?

– Совсем не против.

Я начала стягивать с него рубашку. Танцуя, мы оказались в спальне.

Мы оставили свет включённым. Мне нравилось заниматься любовью при свете, наблюдать за выражением лица партнёра, как оно ненадолго теряется, оставляя лицо перекошенным от эмоций, и вот человек расслабляется с выражением полного удовлетворения, бесконечного блаженства. Вы смотрите друг другу в глаза, и между вами возникает особая связь, понимание и священная тайна. Нет, выключать свет при этом кощунственно.

Эдвин был очень нежен. Он ласкал меня, покрывая поцелуями шею, грудь; тыльной стороной ладони гладил мои колени. Возникло невольное ощущение, что я погружаюсь не в прелюдию к сексу, а в тёплую ванну, полную душистой пены, меня омывает пара юных светловолосых служанок, в тишине, как будто опасаясь, что разговор может нарушить этот ритуал очищения. Одна моет мне голову, рука второй направляет волну воды то на одну, то на другую часть моего тела, боясь до него дотронуться, создавая только эхо прикосновений. Волшебное видение ванной стало медленно рассеиваться, сменившись образом цветущего сада... Я на скамейке, сотканной из лилий, дорожек в саду нет, пространство между островками цветов покрывает плотный ковёр травы, доходящий до колена. Травинки щекочут мне ноги, я улыбаюсь. В это время где-то далеко, в лондонской спальне, Эдвин массировал мне ступни. Рой бабочек в животе не унимался. Ощущая теплоту, проходящую по всему телу, я откинулась назад, закрыв глаза. На моё плечо опустилась пара нежных рук, ещё одна рука дотронулась до моей ладони. Мои светловолосые служанки пришли ко мне в сад. Они следили, чтобы меня никто не потревожил, пока я, закрыв глаза, пропускала сквозь себя энергию Венеры.

Я почувствовала себя настолько одухотворённой и отдохнувшей после секса с Эдвином, что невольно сравнила ощущения с пребыванием в церкви. Убеждённый католик Эдвин скромно улыбнулся, ничего не сказав. Я надеялась, что не оскорбила его религиозные чувства. Если так, то лучше бы он мне признался прямо, но он голландец, он не скажет правду, если она будет неприятна. Нет, всё-таки не зря голландцев называют «китайцами Европы». Они большие мастера скрытности и неуловимости образа. Невозможно понять, что у них на уме, но, кажется, всё-таки это милые люди. Самая торговая нация Европы в совершенстве освоила искусство быть приятными.

Эдвин проводил меня до автобусной остановки. Мой автобус собирался отъезжать, так что я поспешила зайти внутрь и поцеловаться на прощание с ним не успела.

Больше мы не виделись.

Эту историю прекрасных нескольких недель можно было бы повернуть в другое, более глубокое русло, если бы он почувствовал, что я этого хочу. Эдвин был хорошим мальчиком, очень милым, как и большинство голландцев, которых я знаю в Лондоне. Он был всегда в

отличном настроении, очень учтив и внимателен. Работал в банке с девяти до шести, занимаясь страхованием, после работы возвращался домой, принимал душ, переодевался и шёл в бар или клуб с друзьями, но там долго не оставался, так как утром надо было вставать на работу. По воскресеньям ходил на службу в католическую церковь. Каждую субботу звонил родителям в Голландию... В общем, каждый день его жизни был расписан, правилен и предсказуем. Некоторым женщинам как раз это и нужно, но мне хотелось некоторой безбашенности, спонтанности от мужчины. Эдвин был очень скучен, и потому даже модельная внешность не могла спасти его от неумолимой потери моего интереса.

Мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает... Я была не против повстречаться с Эдвином некоторое время, иметь нечто вроде непродолжительного и неумолимого романа. Он же хотел большего. Он не хотел просто со мной переспать. Он искал серьёзных отношений. Я поторопила его, подтолкнув к постели, и он почувствовал, что, по большому счёту, мне безразличен. Эдвин был прав. От него я хотела красивого лёгкого романа, истории нескольких вечеров, не больше. Я кинула камешек в пруд, он создал несколько красивых кругов и утонул.

Пункт Б. *Майкл, нувориш из национальных всё-ещё-меньшинств. Свидание номер два, проведённое из любопытства и культурного интереса, продолжительностью один вечер (с излишествами, но без секса).*

Soundtrack:

*I am colourblind,
Coffee black and egg white.²⁰*

Майкл отказался ехать на метро, несмотря на мои доводы, что в семь часов вечера пробки на дорогах ужасные. Как я и предполагала, он опоздал на полчаса, зато к кафе, где я его ждала, он подъехал на серебристом «Lamborghini».

– Я покупаю новую машинку, – мимоходом заметил он, приветственно целуя меня в щёку.

– Привет, Майкл, – сказала я.

Мы сели за столик, заказали по коктейлю. Майкл снял куртку, открыл сумку, и на столик вывалилось одиннадцать мобильных телефонов... Я никогда не видела, чтобы столько телефонов не только принадлежало одному человеку, но чтобы он ещё их все повсюду носил с собой?! Я не знала, что об этом и думать. Майкл любезно пояснил, что все эти телефоны нужны ему для бизнеса.

– Я продаю квартиры и дома по всей Англии. Роскошные квартиры, разумеется, в самых лучших кварталах. Челси особенно популярен. Клиенты мне звонят постоянно, я очень занятой человек, понимаешь. Я должен быть на плаву, или я не должен быть вовсе. Они мне звонят, я отвечаю. Я не могу раз – и отключиться. Я сам себе босс, значит, я ценю свою работу больше, чем ты, например, которая работает на кого-то.

– Я тоже ценю свою работу, – попыталась возразить я.

– Я ценю её больше, это факт.

Я покачала головой, но больше не спорила.

Майкл был любопытной личностью. Чёрный парень с окраин Манчестера, пробивший себе неизвестно как, чистыми или нечистыми путями, дорогу наверх и не желавший упустить ни единого шанса насладиться тем, что он теперь не из бедных. Слово в подтверждение

²⁰ «Я не различаю цветов, чёрный кофе, белое яйцо» («Colorblind» Counting Crows).

моей мысли Майкл расстегнул пуговичку на рукаве блестящей чёрной рубашки, «невзначай» рукав спустился, и на холёном запястье Майкла блеснул золотой «Ролекс», украшенный бриллиантами. На шее была толстая цепь из золота, на пальцах – большие кольца. Униформа таких, как он, «афроришей».

Чтобы окончательно поразить меня своими фунтами, Майкл вновь заговорил о покупке новой машины:

– Она стоит сто тысяч фунтов. Вообще, девяносто пять, но с аксессуарами получается девяносто восемь. Я попросил, чтобы они ещё чего-нибудь прибавили, чтобы точно было сто тысяч. Люблю круглые суммы. Красиво звучит, да? Автомобиль за сто тысяч фунтов. У многих это зарплата за десять лет. – Майкл самодовольно заулыбался.

Говорят, что мужчина относится к машинам так же, как к своим женщинам. Судя по всему, Майклу нужна была дорогая женщина, чтобы у всех окружающих потекли слюнки.

– Неплохо, – сказала я, не скрывая удивления в глазах оттого, что он мне это всё рассказывает, а также потому, что за те полчаса, что мы были в кафе, ни один из одиннадцати телефонов Майкла ни разу не зазвонил. Будучи слишком очарованным собой, чтобы замечать чьё-либо удивление, Майкл не почувствовал подвоха в моём вопросе, есть ли у него чек на покупку машины, и с гордостью ответил:

– Конечно есть! – и полез в сумку его доставать.

Чек, подтверждавший покупку машины, лёг на стол рядом с грудой мобильных телефонов. Ситуация была странная, но мне было скорее любопытно, чем смешно, хотелось знать, чем всё это закончится.

– Вряд ли в обозримом будущем ты сможешь позволить себе машинку, как моя, – одним кивком указал он на столик, на котором лежал чек, и на окошко, за которым стоял припаркованный «Lamborghini». – Но если ты будешь встречаться со мной, то у тебя будет всё. Да и живёшь ты, наверное, сейчас в дыре какой-нибудь.

– Вовсе нет! – возмутилась я.

– Всё, что не в Челси, – дыра, – сказал он высокомерно. – Ты живёшь в Челси?

– Да. Хмм. – Признаться, меня не так легко застать врасплох провокационными вопросами, более того, я их люблю, но неожиданная наглость Майкла (ещё более неожиданная в английском политкорректном обществе) просто огорошила меня.

– А ну всё равно не так, как живу я, – продолжал он радостно опускать меня с облаков моих самоиллюзий. – Так? Ха-ха. Ты не обижайся, но я просто хочу сказать, что я в силах на несколько уровней повысить комфортность твоей жизни. У меня пентхаус в Челси, на Кингз-роуд. Понимаешь? Ты можешь жить со мной. Или, если хочешь, в соседней квартире, она тоже моя.

У меня номер двадцать три, а у тебя будет двадцать четыре. У меня вообще много квартир, ну сама понимаешь, я занимаюсь недвижимостью. Цены на квартиры растут, очень выгодный бизнес, моя дорогая. Давай заедем ко мне, покажу тебе, как шикарно я живу.

– В этом нет совершенно никакой необходимости.

– Вот увидишь мою квартиру и поймёшь, что была необходимость её увидеть. Она потрясающе красивая. – И, сменив тему, Майкл сказал: – Сегодня мы пойдём на afterparty World Music Awards,²¹ можно было, конечно, заехать на саму церемонию, но почему-то как-то из головы выскочило... Она сейчас как раз идёт... Но afterparty тоже хорошая. Много дорогого шампанского, дорогие люди. Тебе понравится. Надо уже сейчас идти, если идём.

Мы встали, Майкл заплатил по чеку за напитки, вытащив двадцатку из того, что казалось пачкой пятидесятифунтовых купюр.

– Послушай, ты ведь не оставил чаевых официантке...

²¹ Вручение наград в мире музыки (очень престижное событие).

– А, ну да. Ты хочешь, чтобы я оставил?

Вытащив из сумочки пять фунтов, я положила их на стол. Официантка, поблагодарив, ушла.

– Знаешь, я работала официанткой первые две недели, когда только приехала в Лондон. Не могу назвать эту работу лёгкой. Люди относятся к тебе, как к подносу с едой, совершенно не замечают! Я знала, что они не обязаны меня замечать, и, вероятно, и в самом деле была подносом с едой, тряпкой, вытирающей столик, руками, уносящими и приносящими тарелки, голосом, спрашивающим о заказе. Я знаю всё это. Это некоторого рода унижение, и, думаю, справедливо хотя бы оставлять за это чаевые.

– Да, всё равно. – Майкл положил безразличную ему десятку на стол. Для него уже давно это была, на самом деле, ничего не значащая банкнота, но Мари, обслуживающей наш столик в тот вечер, пятнадцать фунтов, которые мы оставили, говорили о том, что её мечта купить сиреневые босоножки, стоявшие в витрине Карен Миллер, стала ближе.

World Music Awards afterparty проходило в новом двухэтажном клубе на последних этажах шестнадцатизатжки на Пикадилли в центральном Лондоне. Клуб был забит людьми, желающими посмотреть на знаменитостей, которые уединились в VIP-комнате, отгороженной стеклом от основного холла. Увы, знаменитости так и остались недостижимы, что за стеклом телевизора, что за стеклом VIP-комнаты.

Майкл знал нужных людей, и мы были допущены в VIP-зал. Чтобы вас пустили к «випам», нужно приходить в клуб с правильными людьми, например, с известными музыкантами, продюсерами, актёрами или просто с богачами. Если будете приходить с ними в одно и то же место не один раз, то вас, скорее всего, будут пускать и самих по себе.

Среди VIP были V–VIP, а среди V–VIP – V–V–VIP. Один из V–V–VIP (рэппер, имени которого я не помню) решил покинуть зал, в результате его телохранители протоптали ему дорожку, в буквальном смысле слова отшвырнув нескольких VIP-парней и грубо оттолкнув с прохода звезды пару VIP-девушек. Представляю их отношение к простым землянам в общем зале...

Вскоре мне стало скучно в этой комнате, где люди больше друг перед другом позировали, чем общались и танцевали, поэтому, через силу допив свой бокал периньона, я попросила Майкла отвезти меня домой. Он вызвал своего шофёра, потому что ему лень было рулить самому, да и в этот вечер он уже немного выпил. Шофёр приехал через сорок минут, так как было за полночь, и, когда Майкл ему позвонил, он уже спал.

Перед тем как отвезти меня домой, Майкл настоял, чтобы мы заехали к нему хотя бы минут на десять, чтобы я увидела его квартиру. Я жутко хотела спать, но Майкл чуть ли не на коленях стоял, умоляя зайти оценить его квартиру. Я согласилась при условии, что водитель будет нас сопровождать и потому, что так было больше шансов поскорее попасть домой.

Единственное, что меня поразило в фешенебельной квартире Майкла, это белый щенок по кличке Пафф, живший в маленькой клетке в зале. По его тоскливому взгляду я поняла, что с ним никто не играет. Майкл объяснил, что держит щенка в клетке, потому что тот портит мебель. В этом королевстве Пафф был всего лишь одной из украшавших его статуэток. Мне стало от этого особенно грустно, и я окончательно решила не развивать знакомство с Майклом.

Майкл названивал мне всю следующую неделю. Каждый день по несколько раз в день. Я находила разные отговорки, не желая раскрывать истинных причин моего нежелания идти на второе свидание. Однако когда настойчивость Майкла превратилась в назойливость, я сказала, что он просто мне не нравится. Майкл, привыкший получать всё, что захочет, не мог

поверить в мой отказ, вырвав у меня ещё одно неприятное признание: «I think you are cheap. And it's your money that cheapens you. And also that dog... It's crying and you don't hear it».²²

Тут Майкл взорвался. Никогда в своей жизни я не слышала столько вариаций слова «fuck» в свой адрес.

– Да ты просто расистка! – кричал он. – Ты предпочитаешь этих чистеньких беленьких мальчиков?! Они же просто играют женщинами, разве не видишь? Они и с тобой поиграют и бросят! В слезах оставят. Ты меня ещё припомнишь! Они будут использовать тебя, притворяясь сладкими и милыми... Я бы спал с тобой без этой лжи. Если бы я тебя просто трахал, я бы так и сказал, что просто тебя трахаю. Я бы не вешал тебе лапшу на уши, и всё потому, что я настоящий!

Наверное, Майкл долго над этим вопросом размышлял, я не могла объяснить иначе, почему вообще зашёл разговор о белых мальчиках. Я ведь не говорила, что оставляю его ради какого-то белого принца.

– Вся эта тирада, Майкл, подтверждает моё мнение, что зачастую чёрные ещё большие расисты, чем белые.

– А в чём расизм? В том, что я говорю правду?

Я попросила его остыть, потому как выяснять, что почём, и что-то доказывать мне было лень.

– Цвет кожи – это как менталитет, – продолжил он более спокойно. – Если не обобщать, то кое-какие общие выводы, характерные для этого цвета кожи, сделать можно. Разве не так? У меня есть деньги – я их показываю. Я не притворяюсь, что у меня их нет, как эти твои белые мальчики. У меня есть крутая тачка, я тебе показываю свою крутую тачку. И так во всём. Я настоящий. На-стоя-щий.

Странно, но в устах Майкла даже слово «настоя-щий», даже сказанное по-английски, имело в своей основе слово «стоять»...

Хотя, как ни крути, в его словах была своя правда. Многие из того, что он говорил, отражало воззрения весомого количества богатых чернокожих, также как и богатых русских. Они были одинаково одеты в «Дольче-Габбана», с золотым «Ролексом» на руке, джипом (вариант – бумером), но ни у тех, ни у других не было привычки к деньгам, не было класса. Они разбогатели внезапно и ещё не успели к этому привыкнуть. Исконную аристократию в России уничтожили или растворили, чёрной аристократии (в привычном нам понимании этого слова) никогда не существовало. Покупая то, что они считали символами достатка, они не понимали, что тем самым отгораживают себя от класса «естественно-разбогатевших-людей», заработавших деньги упорным трудом, а не сорвавших куш на неоднозначных сделках, а также от тех, кому деньги достались по наследству, и записывают себя в более низкую социальную категорию «нуворишей». Интересно, что аристократы и «естественно-разбогатевшие-люди» были рады, что категория «нуворишей» существовала, потому как это давало им прекрасную возможность смотреть на них свысока и, тихо посмеиваясь, чувствовать своё превосходство.

Однако я не подозревала, что слова Майкла о чистеньких беленьких мальчиках, которые поиграют с куклой-девочкой и бросят её, окажутся для меня пророческими.

Пункт В. *Николас, датчанин в Лондоне. Свидание номер три, продолжительное, страстное.*

Soundtrack:

²² «Я думаю, что ты дешёвка. И именно твои деньги тебя обесценивают. А ещё та собака... Она плачет, а ты не слышишь».

*He wore black and I wore white.
He would always win the fight.
Bang. Bang.
He shot me down.
Bang. Bang.
I hit the ground.
Bang. Bang.
That awful sound.
Bang. Bang.
My baby shot me down.*²³

Наша первая встреча с Николасом в недорогом баре в Южном Кенсингтоне была наполнена красным вином. Хотя не знаю, может, и дорогом, я не платила. Мы пили бокал за бокалом, в баре было душно, весело и шумно.

Николас оказался очень интересным собеседником, полным сарказма и харизмы. Между нами пробежала искра, но мы пытались её контролировать: мы ещё в баре, ещё не знаем друг друга, нельзя позволить огню запылать, ещё не время. Боже, как это всё-таки прекрасно: начало неизвестно чего! Между вами ещё нет ни прошлого, ни будущего, вы смотрите друг на друга, хотите друг друга, но вас ещё не связывает даже один поцелуй. Мы весело болтали, расспрашивая друг друга обо всём на свете, начиная с любимых книг и актёров до описания стран, в которых мы побывали и куда хотим поехать. Мы говорили о том, как обычно проводим время, сравнивали Лондон и Париж (наши предпочтения здесь были схожи: Лондон), делились впечатлениями об англичанах, ведь мы оба были иностранцами в этом городе. Вино растворялось в наших венах, разговор теплел. Я улыбалась, а Николас, казалось, немного нервничал. Весь вечер он недовольно заправлял за ухо прядь светлых волнистых волос, падавших ему на глаза, и очень злился по этому поводу, что я находила довольно забавным. Мне интересно было разгадать, в чём его секрет и почему я нахожу его столь притягательным. Его внешность была приятная, но не сногшибательная, однако он был поразительно уверен в себе. По-настоящему уверен. Знаете, иногда уверенность в себе бывает наносной, так что копни чуть поглубже, надави побольше – и человек сдаётся, проявляет самого себя. Меня это всегда раздражало. Уж если ты по натуре робок и незначителен, зачем притворяться иным? Если есть слабости, то их нельзя стесняться. Притворяясь тем, кем ты не являешься, ты, по сути, проявляешь слабохарактерность. Я презирала подобное в мужчинах. Безусловно, уверенность в себе у Николаса была подлинная. При этой мысли я одобрительно на него посмотрела. Он поймал мой взгляд и довольно улыбнулся.

В одиннадцать бар закрывался (что в Лондоне не редкость). Мы вышли на улицу и вскоре очутились в маленьком парке, огороженном забором, через который мы, пьяные, перелезли, чтобы добраться до скамейки, стоявшей в центре возле фонтана. Наверное, там он меня поцеловал. Я была в дурмане влечения с первых минут нашего общения, так что мне казалось, что мы целуемся уже давно. Когда же это произошло на самом деле, я вспомнить не решаюсь.

Мы стали встречаться. Обычно раз или два в неделю. Я не была его гёрлфренд, мы просто встречались. Смотрели кино дома, заказывали ужин на дом, общались дома. Все наши встречи проходили дома, под грифом «секретно», он не приглашал меня в рестораны, кино-театры, театры, поездки, на прогулки. Он не говорил мне комплиментов, не знакомил с друзьями. Я была его тайной жизнью, любовницей, хотя жены у него не было.

²³ Он был одет в чёрное, а я – в белое. В любой битве он побеждал. Раз, два, Он меня застрелил. Раз, два, Я упала. Раз, два, Этот ужасный звук. Раз, два, Мой милый меня застрелил («Bang Bang (My Baby Shot Me Down)» S.Bono).

Вскоре у Николаса появилась та, что называется гёрлфренд. Респектабельная девица примерно моего возраста, работавшая в банке «Мерилл Линч» и получавшая сто пятьдесят тысяч фунтов в год.

– Ей всего двадцать четыре, как тебе, а она уже получает такие деньги! – восхищённо говорил Николас. – С ней очень хорошо в постели, как и с тобой! У неё фигура похуже и, наверное, попроще лицо, но зато она приглашает к нам в постель своих подружек...

Меня не могло радовать, что Николас рассказывает мне в деталях про свою новую пассию, которую он приглашал на вечеринки и знакомил с друзьями и которую он, очевидно, считал более достойной кандидатурой на роль своей девушки. Я бы ушла, если бы мне позволили уйти, но я видела, что он не хочет терять ни меня, ни её. Ему было удобно иметь двух любовниц и чувствовать себя обворожительным ловеласом.

Через неделю тон его описания своей гёрлфренд сменился:

– Она больше не такая горячая, как в первый раз, и вообще я не хочу её, если с нами нет третьей. Она мне просто fuck-friend.²⁴ Не знаю, о чём она думает. Пишет мне по десять sms в день... Она мне безразлична. Абсолютно безразлична. К тому же она ест тонну продуктов, и в последний раз пришла в таком отвратительно безвкусном платье... Сегодня она устроила скандал по поводу моей дружелюбности с девушками на дискотеке! Удивительно, но она потребовала, чтобы я был ей верен! Какое она имеет право что-либо вообще требовать?!

Теперь я поняла, почему его отношение к ней изменилось. Николас хотел гёрлфренд, но ненавидел контроль над своей жизнью, и если уж чем пришлось бы жертвовать, то он пожертвовал бы своей девушкой, нежели свободой. Странно, но факт, мужчины могут и умеют быть верными, если они сами решают быть такими, но они ненавидят, когда их заставляют. У мужчин должна быть свобода выбрать верность, иначе будет протест, восстание и полетят головы. Больше он ей не звонил.

Мне нравилось, что Николас не стремился меня поразить и, в отличие от многих других моих ухажёров, не слишком старался мне понравиться. Он был самым собой: эгоистичным, испорченным и часто избалованным ребёнком, которому волей-неволей хотелось потакать. Он часто капризничал и вынуждал меня ему уступать. Одновременно этот ребёнок был очень требовательным, жёстким, сильным мужчиной. Когда капризы ребёнка не помогали, наступали приказы мужчины. В наших отношениях он взял командование в свои руки с первой встречи. Мне следовало сразу это почувствовать и убежать, но нет, я осталась и, более того, была рада, что он делает со мной то, что хочет. Его авторитарность действовала на меня гипнотически. Я подчинялась его командованию, становясь инструментом в руках генерала. Он играл в войну, а я была его пешкой, которой он, я знала, жертвует не глядя во благо своих целей. Я играла в любовь, очарованная, но всегда не до конца уверенная, что на самом деле люблю его, я предпочитала думать, что люблю, иначе мне сложно было бы объяснить самой себе моё безоговорочное подчинение. Я сама согласилась на эти игры, поэтому жаловаться не приходилось.

Николас был студентом из Дании. Не удивляйтесь, если я скажу, что он изучал финансы и собирался стать банкиром. Где ещё, как не в Лондоне? Здесь воздух пахнет деньгами.

Он происходил из состоятельной семьи известных в Дании землевладельцев. Шестьдесят лет назад его дед начал скупать фермы. Ферма за фермой... Доход от одной он пускал на покупку следующей, и так, к рождению сына, у него накопилось двадцать пять ферм. Сын продолжил дело отца, так что теперь семье Ника принадлежало сорок восемь небольших ферм на юге страны. Некоторые из них были заведомо убыточными или требовали больших

²⁴ Я просто с ней сплю.

затрат на обновление, но дед и отец Николаса всё равно покупали их; покупка ферм для них стала уже некоторого рода хобби.

– Они во всём такие. Может, это жадность? Приходят в супермаркет за булкой хлеба, но в итоге, по непонятно какой причине, везут в тележке полмагазина, – говорил Николас о своей семье.

Он вытащил из папки, лежащей на журнальном столике, недавние фотографии: они с отцом и его друзьями на охоте. Всё по правилам: охотничьи костюмы, лошади и собаки.

– Как в кино про английских аристократов, – сказала я, задумавшись о своём детстве. Я всегда хотела иметь лошадь, но мы не могли это себе позволить. Меня увлекал дух свободы, пространства... Хотелось скакать по степям и равнинам, ни о чём не думая, теряя мысли от бешеной скорости... Я читала много английских романов, и складывалось впечатление, что каждому английскому ребёнку при рождении полагается лошадь. Тогда я жалела, что родилась не в Англии, а в южных широтах СССР.

– Датских аристократов, – поправил меня Николас.

Через полчаса он ложился спать, сказав, что я должна уйти. Уже был час ночи, метро не ходило, и я попросилась остаться, на что Ник ответил отказом.

– Я встаю очень рано... Понимаешь... Дома никого не будет... Я не могу доверять тебе быть одной дома. Ты ведь из России. Что, если ты что-нибудь украдёшь?!

Я не хлопнула дверью и не ушла. Я не могла поверить своим ушам. Я окаменела, рассыпалась, расплакалась, я не знала, что и сказать в ответ. Я доверяла ему всецело, а он не сумел почувствовать не только то, что я никогда не посмею ничего украсть, но и то, что, попроси он, я была готова ради него на очень и очень многое. Я сама бы отдала ему последние деньги! Ник увидел моё отчаяние, которое вызвали его слова, и, осознав свою ошибку, прижал меня к себе и извинился. В первый раз за долгое время я почувствовала в его голосе нотки искренности, он правда сожалел.

– Послушай, милая, – сказал он, – я не хотел тебя обидеть. Я сказал такую глупость, и я не прав. Ты знаешь, я в принципе не доверяю людям... Я должен доверять тебе, я вижу, что ты... Ты хорошо ко мне относишься, и ты никогда бы не сделала мне ничего плохого. Извини. Но послушай, по отношению к русским существует некоторое предубеждение, да, стереотип. Но разве он необоснован? Я хочу объяснить тебе... – Он усадил меня на диван. – Разве тебе не кажется, что новое поколение в России и прочих подобных странах, Восточная Европа и так далее, это своего рода «потерянное поколение»?

– «Потерянное поколение»? – Я не могла понять, о чём он говорит, но Николас терпеливо продолжал:

– Люди, пережившие новую революцию тысяча девятьсот девяносто первого года, когда их идеалы и вера в коммунизм были разрушены, ещё не обрели новую веру. Из них вытащили стержень... Люди, не имеющие никакой веры и убеждений, это циники. Им ничего не стоит украсть, обогатиться за чужой счёт, сорвать куш. Разве твоя страна с её олигархами не показывала на примере многих новых миллионеров, получивших деньги за счёт простых людей, свою бездуховность?

– Боже! Как ты можешь всё это обобщать, свалив многомиллионную нацию в одну кучу мусора?! – возмутилась я. Меня задело, что он обобщил все отрицательные стороны дельцов перестройки и приписал их всему русскому народу. – Да, идеалы были развеяны, – согласилась я, – мечты разбиты, но революция возникла, потому что общество было готово разбить свои старые мечты. Это на-бо-ле-ло. Ты не понимаешь... Мы хотели перемен! Да, не все были к ним готовы, и процесс перемен всегда болезнен, и в чём-то я с тобой согласна, что мы, наверное, «потерянное поколение». Но отказывать нам в духовности и чистоте побуждений, заключать нас в стереотип абсолютно животного поведения – это несправедливо. Не

может вся нация мгновенно стать жадной, жестокой и бездуховной – наркоманами, проститутками и мафиози.

– Значит, они такими были и раньше...

– Не смешно.

– Я просто пытаюсь понять, не расстраивайся. Видишь ли, Европа боится вас. Вы другие. Немного дикие, что ли... Посмотри, кого мы видим, кто приезжает сюда? Огромное количество проституток – это факт! Разнорабочие, которые по-английски два слова связать не могут, а оттого никогда органично не интегрируются в западную культуру. Это к тебе не относится, но если вы, русские, хотите, чтобы вас адекватно воспринимали за рубежом, то, прежде чем поехать куда-либо на Запад, выучите хотя бы английский язык! Я уже не говорю о языке той страны, куда вы едете... И ещё, сколько русских я видел, такое чувство, что они в чужой монастырь едут со своим уставом, который не приемлет никаких поправок! Никакого уважения к тому, что в другой стране свои привычки и традиции, нормы поведения в обществе. Если вы не хотите принимать это и не желаете приложить усилие, чтобы понять культуру той страны, куда вы приехали, то не обижайтесь, если вас будут осуждать, не понимать, не принимать и не любить. Конечно, я верю, что со временем всё успокоится и пройдёт... Со временем мы будем понимать друг друга лучше. Россия продолжит открываться миру и так далее. Русские будут приезжать сюда, мы будем больше путешествовать по России, и лет через двадцать ситуация станет лучше, будет больше доверия.

– Что значит через двадцать лет? Что же делать нам, современному поколению? Просто смириться с предубеждением?

– Нет, почему же, просто надо знать о существовании предубеждения и прикладывать усилия хотя бы на уровне своего круга общения... У тебя же ведь получилось? Можно сказать, твоя искренняя реакция надломилась мой стереотип... Теперь ты можешь остаться у меня ночевать. Вот ключи, занесёшь в следующий раз.

* * *

Наша связь с Николасом длилась вот уже три месяца, переживая редкие взлёты и частые падения. Иногда он был внимателен ко мне, и его глаза смотрели в мои с огромнейшей нежностью, особенно для меня ценной, потому что я знала её мимолётность. Мне казалось, что он оттаивает, что его отношение ко мне теплеет. Но стоило мне не видеть его более недели, не напоминать о себе, и к следующей встрече он меня забывал, забывал, как смотрел на меня в прошлый раз, – взгляд серых глаз опять каменел, и приходилось начинать всё заново.

Николас часто мне изменял и не видел в этом ничего дурного, ведь по негласному договору я была только любовницей, без права апелляции. Странно, но, несмотря на это, наша дружба мало-помалу крепла, в то время как постель оставалась постелью, отдельно от дружбы. Когда то и другое крепнет одновременно, люди женятся. У нас было полное взаимопонимание в постели, и он, и я чувствовали, что секс у нас потрясающий, влечение было огромным. В дружбе он тоже был щедр и заботлив, давал хорошие советы, прислушивался к моим. Но тем не менее оба эти аспекта наших отношений шли, как две параллельные прямые, не пересекаясь, словно он спал с одной девушкой, а общался с другой.

Что-то подсказывало мне, что он просто не может довериться женщине. Не только мне, а женщине в принципе. По тону его высказываний о тех или иных девушках я осознала, что он не испытывает большого уважения к женскому полу или даже его ненавидит. Он говорил, что не будет верен жене, ещё не имея жены, а значит, изначально отрицая даже самую возможность полюбить так, что другие женщины станут не нужны. Он говорил, что его будущая жена должна быть красивой, хорошей хозяйкой, потенциально замечательной

матерью, уметь готовить, сидеть дома и слушаться его. В то время как он будет изменять ей с сексапильными девушками, желательно блондинками, «потому что они выглядят чище». В его отношении к женщинам было слишком много расчёта, так что это казалось подозрительным, и казалось, что на самом деле в этом грубом цинике просто когда-то был загублен нежный романтик.

* * *

Он любил её.

Первая неопытная любовь пятнадцатилетнего мальчишки.

Он дарил ей цветы, подарки на каждый праздник, был предан и как-то ко Дню святого Валентина даже написал для неё стих, не имея к этому особого расположения и дара. Он ухаживал за ней два года. Часто они вместе гуляли. Она была весела, ей льстило, что её любят так неистово, настойчиво и вместе с тем робко. Она принимала Его ухаживания. Как-то она пригласила Его в гости, но, когда Он пришёл, продержала на пороге, так и не впустив. Позже она все объяснила, весело пропев, что незадолго до Его прихода к ней неожиданно заглянул кое-кто, и она не хотела, чтобы тот кое-кто ревновал. То есть она понимает, что повода к этому нет никакого, так как Он ей только друг, но кое у кого вспыльчивый нрав, и он бы не понял. «А ты ведь понимаешь, правда? – спросила она, потрепав Его за подбородок. – Ну, может, мне как-нибудь понадобится твоя помощь, ну... если я вдруг захочу, чтобы кое-кто меня поревновал...» После она плакала в Его жилетку, так как кое-кто ей изменил с её лучшей подругой. Он уговаривал её его бросить, но она как-то злобно на Него посмотрела, сказав: «И с кем тогда я буду? С тобой, что ли? Да ты ведь тряпка!» Он пришёл к ней на следующий день в надежде, что она извинится за свои вчерашние слова и что она не имела в виду то, что сказала, что это у неё вырвалось... Однако ж она и не думала извиняться. Они пошли погулять. И всю дорогу она говорила о том, как любит этого кое-кого, несмотря ни на что и вопреки всему. Он попросил её замолчать. Она удивилась, в первый раз Он был с ней груб. Она попыталась возразить. Он накричал на неё, назвав дурой и шлюхой. Он сказал, что она Ему стала противна. Она покачала головой, вновь посмотрела на Него и как будто увидела в Нём нечто новое. Возможно, это и было что-то новое, ведь Он впервые был с ней жесток. Она притянула Его к себе за рубашку и поцеловала. В первый раз за два года, что Он за ней ухаживал. От этого Он осмелел, даже озверел, бросив её прямо на газон аллеи, по которой они гуляли. Она не сопротивлялась, и Он грубо ею овладел. Тело Его, почувствовав облегчение, успокоилось, но она Ему опротивела. Он чуть ли не плевался, идя домой, и первым делом, забежав в квартиру, принял душ. Не так Он представлял себе эти минуты близости... Прекрасная дама упала на газон с пьедестала, на котором стояла. То, что Он получил её так просто после стольких лет, что ей оказались не нужны все Его светлые чувства и трепет, свело на нет всё Его уважительное отношение к Женщине. Она разбила Его идеалы и Его сердце. Она была первой, кто это сделал. После были другие. Он поклялся, что больше ни одна женщина не заставит Его страдать, Он решил просто-напросто больше их не любить, так было легче; использовать женщин, как они сами того хотят.

Я не знала этой истории, но предполагала, что она с ним случилась. Благодаря своему чувству к Нику, я угадала, что вся эта чёрствость, безразличие и высокомерие, которые он кидает миру, наносные, прилипшие, я чувствовала, что это просто защита, как панцирь черепахи. Где-то далеко, в юности, он потерял теплоту. Ему пока ещё двадцать шесть, и пока не так сложно было бы вернуться и подобрать её. Я была готова помочь и так жадно искала добрых перемен в его отношении ко мне, что, почувствовав лёгкий летний ветерок, воспряла и побежала ему навстречу. Без сомнения, Николас так просто не сдастся, ему нужно было

отомстить за пережитые обиды, отомстить сполна, отомстить Женщине. Я была готова принять и пережить его месть. К этому моменту моей жизни я уже его горячо любила.

* * *

Черепашки без панциря не живут, иначе это уже не черепахи, но всё-таки я не могла поверить в произошедшее. Моя жизнь замерла. Я ничего не хотела делать с тех пор, как в ночь на четырнадцатое февраля, День всех влюблённых, Николас меня бросил. Я проснулась в слезах, в то время как утренний город излучал любовь и радость. Парочки на улицах гуляли в обнимку. Я пошла купить молоко и мюсли на завтрак, но за десять минут пути до Marks&Spencer²⁵ я увидела по меньшей мере семь влюблённых парочек, одна из которых, к счастью, была парой геев. Поверьте, это было ужасно нетактично: все как будто сговорились держаться за руки и целоваться напоказ! Я вернулась из магазина и осталась дома, не в силах выносить бескомпромиссную гегемонию любви, царившую вокруг. Мне было очень грустно, и я целый вечер проплакала в подушку. Почему он выбрал именно этот день? Ещё одна жестокая месть женщинам за их любовь ко всяким романтическим датам? У меня для него был подарок и открытка, я была уверена, что и он мне что-нибудь подарит, безделицу, но всё-таки... Я чувствовала себя полной дурой. «Bang. Bang. My baby shot me down».

Последующие недели я занималась своей рутинной, жила незаметно, ни с кем из близких подруг, которые знали про мою проблему, не встречалась, чтобы избежать жалости и ранящего «Я же тебе говорила!». Я не могла поверить, что больше не увижу его.

В тот вечер одиннадцатого января, перед его поездкой в Данию на месяц повидать родителей, у меня была смутная тревога, что вот так мы сидим в последний раз, смотрим кино, обнявшись и почти счастливые, что этого мгновения больше не будет никогда. Я закрыла глаза на это тревожное предчувствие. Напротив, я была в радостном расположении духа, потому что за эту последнюю неделю мы встречались чаще, чем обычно, и я видела, что Николас почти оттаял. Во всяком случае, он уже не притворялся и не защищался от меня, он доверял мне. Ник уехал, новый, весенний, чистый...

Там, у себя на родине, он полюбил другую. Вернулся тринадцатого февраля, пригласил меня в ресторан, чего раньше не делал, был мил, но в его стальных глазах не осталось и следа от тёплых чувств, он снова меня забыл. Весь вечер он держался подчеркнуто отстранённо и казался совершенно чужим. Он не говорил мне про неё, но за него говорило всё. Я настояла, чтобы он мне рассказал, что случилось.

— Когда я приехал домой, мы часто ходили с друзьями в бары и рестораны, я пил каждый день и помногу. Я пил, и мне хотелось женщину. Я попросил моих парней познакомить меня с кем-нибудь. Так я встретил Энн.

— Так значит, её зовут Энн...

— Нет, так зовут её лучшую подругу. У нас с Энн не было секса, мы просто немного подуррачились в постели, она не хотела ставить под удар свою дружбу с Розанн, боялась, вдруг та узнает, если мы переспим.

— Розанн?

— Да. Она восхитительна. Я ещё не спал с ней, но я знаю, что это будет восхитительно. Мы ходили в «SW», когда она приезжала сюда четыре дня назад...

— Я думала, что ты только приехал...

— Нет. Я приехал неделю назад, я купил ей билет на самолёт, сказав, что выбор за ней: она может приехать или не приехать, билет есть, так что пусть решает сама. Я уехал, и она приехала, представляешь?!

²⁵ Название магазина.

– Рада за тебя.

– Она приезжала на три дня. Она учится в Дании, не могла вырваться надолго...

Из моих глаз потекли слёзы, но Ник этого не видел, он не смотрел на меня, вспоминая и в деталях описывая свой начавшийся роман. Опять я ощутила это раздвоение в его отношении ко мне.

Я уверена, он не хотел причинить мне боль, он рассказывал про Розанн мне-подруге, забыв, что я-любовница тоже здесь.

– Какие планы у тебя на оставшийся вечер? – спросил он у меня-любовницы.

– Я думала, мы проведём его вместе и я останусь ночевать? Завтра День святого Валентина. То есть я понимаю, что мы с тобой не совсем нормальная пара, но я хотела бы провести этот день с тобой... Мне просто будет очень грустно, если в этот день я буду одна.

– Э-э-э. Нет, нет, прости. Завтра я очень занят, и вообще я не люблю даты... Я даже взял билет Розанн так, чтобы она уехала до этого сопливого розового праздника...

– Да, но для неё было бы символично провести День всех влюблённых вместе с тобой, а тебе, наверное, ещё рано переходить с ней к официальному признанию друг друга влюблёнными...

– Ты права.

– Но ты же знаешь, что я не испытываю иллюзий по поводу наших отношений, Николас. Я не стану фантазировать, что теперь мы обязательно поженимся, если проведём День Валентина вместе. Мне просто так грустно в последнее время, так хочется немного ласки и хорошего отношения.

– Значит, ты считаешь, я тебе чего-то недодаю? Если ты и правда так считаешь и тебя что-то не устраивает, вперёд! Я тебя не держу.

– Я знаю, что не держишь, поэтому мне и сложно уйти.

– Господи. Если ты будешь продолжать в том же духе, то я не хочу этого слушать. Я устал, и мне вообще не нужны лишние сложности.

– Да, – сказала я, – конечно, ты прав, это всё глупости.

Сердце сжигал вопрос: «Неужели же ты не видишь, что я люблю тебя?», но я промолчала. Я любила его, но не хотела надоедать и казаться навязчивой. Я надеялась, что он изменится, и он менялся, однако не в мою пользу. Надежда умирает последней, значит, мы умираем раньше нашей надежды. Моё сердце твердело. Я притворилась беззаботной, будто бы всё, что я до этого наговорила, это чепуха, а единственное, что мне от него нужно, это секс.

– Не слушай меня, – прошептала я, бросив томный взгляд. – У меня сегодня тоже был тяжёлый день. Лучше пошли к тебе.

– Ну вот, другое дело, – засмеялся он. – Теперь я тебя узнаю. Давай возьмём такси, а то мне через час спать ложиться.

Мы взяли такси и доехали до его дома в Южном Кенсингтоне. Трёхэтажный узкий дом, воткнутый посреди таких же. Мощёная улочка. Цветы в треугольных клумбах перед входом. Чёрная блестящая дверь с золотым номером «73».

Николас расплатился с таксистом, и мы вошли в дом. Открыл бутылку вина, я не пила. Музыки не было. Зашёл в спальню, в оглушительной тишине которой я разделась.

Он подтолкнул меня к кровати и, приспустив брюки, но даже не сняв рубашку, без поцелуев и прелюдий пятиминутно овладел мною. Перевернулся на спину, отдышался. Первое блюдо было горячим. Через пять минут он был готов на второе, которое, однако, также не отличалось продолжительностью. Десерт был жёсткий. Он преподнёс его во всей силе своего Danish hardcore²⁶ характера. Привязав мои руки к кровати галстуком от Черутти, он перевернул меня на живот и превзошёл себя. Я так хотела его, что никогда не замечала размеров

²⁶ Датский хардкор.

его достоинства, которое, честно говоря, было довольно скромным. Основное удовольствие от секса, чаще всего короткого, я ощущала через осознание того, что вот он во всей своей красе, дикий и злой самец, получает своё быстро и яростно. Ему наплевать, что чувствую я во время секса, ещё он как-то поведал, что ему доставляет особое эротическое удовольствие то, что я, как он выразился, из «более социально низкой нации», ему проще иметь меня, считая меня «объектом», русской игрушкой для европейского джентльмена. Ему приходится быть циником и негодяем в жизни, иначе он не смог бы расслабиться и так овладеть женщиной. Да и я сомневаюсь, что сама отдавалась бы ему с такой же неистовостью, будь он иным.

После он мне сказал:

– Заплати мне.

Я подумала, что он шутит, и переспросила:

– Тебе заплатить? За секс?

– Сладкая моя, ты же знаешь, что мне всегда с тобой нравится, но попробуй понять меня. Мне будет так проще. Если ты мне заплатишь, то получится, что я вроде бы ничего и не хотел, что в секс не было вовлечено никаких чувств, а значит, можно будет считать, что я не изменял Розанн.

Его всегда волновало только то, как будет проще ему. Может быть, за эту эгоистичную прямоту я его и любила. «Хорошо. Пусть будет так, как он хочет», – подумала я, оставив на столике у измятой постели всего один фунт. Он ухмыльнулся.

* * *

Огромное количество людей в столице обеспечивает их текучесть. Новые знакомства каждый день прерывают мысли о старых друзьях. Никто и не вспомнит лёгкого флирта вчерашней ночи. Чтобы оставить хоть небольшое воспоминание друг о друге со вчерашнего вечера, нужно хотя бы переспать, тогда у вашего имени... «Простите, как, вы говорили, вас зовут? Нда-а. Как, вы сказали, зовут вас? Плохая память. На лица у меня память лучше. Хотя я почему-то думал, что вы блондинка...» Тогда у вашего имени есть шанс быть упомянутым в разговоре друзей за пивом на следующий вечер, хотя, увы, это упоминание, скорее всего, будет а-ля «Я такую тёлку вчера...», или в девичьей беседе при накладывании слоя пудры перед очередной диско-охотой на «лосей».

Неудивительно при таком раскладе, что даже у людей, которые знакомы уже давно, уходит не более месяца, чтобы совершенно забыть друг друга. Никто ни по кому не скучает. Слишком много замен вокруг, слишком легко переключиться, отвлечься, развеяться. Они не тратят эмоций на то, чтобы узнать друг друга по-настоящему. Зачем? Люди Запада не мазохисты, они не любят страдать. С глаз долой – из сердца вон! А если сердца никогда и не было, то просто: вон!

Soundtrack (финальный):

Now he is gone.

I don't know why...

Until these days sometimes I cry...

He didn't even say goodbye, didn't take the time to lie.

Bang. Bang.

He shot me down.

My baby shot me down.²⁷

²⁷ Звуковое сопровождение: А сейчас он ушёл. Я не знаю почему. Я до сих пор иногда плачу. Он даже не сказал до свидания. Не нашёл времени, чтобы солгать. Раз, два. Он меня застрелил. Мой милый меня застрелил («Bang Bang (My Baby

Глава 4

Сон вчерашней ночи (номер один)

Цветы на подоконнике завяли, несмотря на то, что я обильно их поливала, а может быть, именно поэтому... Или от недостатка солнца? Ничего не хотелось делать. В сердце перегорели лампочки. Без света было страшно, но лучше уж так, в темноте, чем каждый день ждать, что они перегорят, или отключат свет, или зайдёт кто-нибудь на огонёк, когда никого видеть не хочется.

Я сижу, без движения, уставившись в окно. Сижу долго. Проходит день. Проходит ночь. День. Ночь. День. Ночь. День. Ночь. Снова ночь. Ночь не проходит. Ночь. Мне всё равно. Ночь. Ночь. Ночь. Ночь. Ночь. Ночь. Вспорхнуло усталое удивление: почему? Неужели я настолько выключила себя из жизни, что даже воспоминаний не хватает, чтобы менять картинки за окном? Ночь. Ночь. Надо что-то придумать. Разум содрогнулся и поник. Ничего не получается! Медленно закрадывается страх, грозящий обернуться паникой... Ночь. Ночь. Ночь. Нет, было же в этих отношениях что-то хорошее... Нужно всё пересмотреть. Мне обязательно надо вернуться к жизни, бессмысленно просто глазеть в окно, за которым ничего не происходит? Ничего не происходит... Это моя вина! Ничегошеньки. Только ночь. Что же мешает? Проснись же. Выйди на улицу! Оглядись! В мире много прекрасного. Нужно заново научиться смотреть на лица прохожих, на их улыбки, а не истоптанные ботинки, на которые налипла грязь.

Закапал дождь. Как ни банально, но дождь заставляет меня плакать. Уж если сама могущественная величественная природа не выдерживает этой жизни, то почему я должна? Я плачу навзрыд. Всё лучше, чем тупое безразличие от безысходности, когда все чувства ссылаются в пропасть и ничего от человека не остаётся. Я переживу, мне будет легче, я знаю это. Дождь льёт сильнее и сильнее. Я ненавижу тебя, Николай! Это пройдёт... Боже, как я тебя ненавижу! Никогда не горела я таким пламенем ни на одном ложе, никогда ещё моя страсть не была сильнее, но всё проходит: и любовь, и боль; всё уходит. Я теряю последние горькие капли памяти, и мне скоро будет легче. Пламя беспощадно пожирает твой дом, кровать, тебя, предающегося на ней любовным утехам с кем-то, чьего лица не разобрать. Дождь залил стекло плотным непроницаемым потоком, и я не вижу больше этих страшных образов в адском пламени. Я не вижу тебя. Наверное, пламя потухло. Мне легче. Я знаю точно, наутро, когда я проснусь, день будет сиять чистотой, день будет свеж, это будет День.

Глава 5

Тишина

Soundtrack:

Вне зоны доступа
Мы не опознаны
Вне зоны доступа
Мы дышим воздухом
Вне зоны доступа
*Мы.*²⁸

Когда события в жизни развиваются слишком интенсивно, нет времени задумываться и размышлять. Когда слишком шумно, звуки натыкаются на мысли, разбивая их вдребезги или перемешиваясь так, что мысли становятся нечёткими и неясными. Гудят машины за окном, автобусы шумно распахивают двери, бурлит толпа людей, музыка в барах и клубах, плеер в ушах, ругающиеся день ото дня соседи, телевизор, радио, компьютеры... А сколько звуков создаю я сама? В большом городе тишины нет. Обитатель мегаполиса – это всепоглощающая гудящая машина, а не человек разумный.

Время от времени я, как правило на уик-энд, покидала Челси, чтобы навестить друзей и знакомых за городом. После ужина в их деревенских домиках, фермах или поместьях я всегда выходила погулять. Одна. Брожу по улице маленького трёхулочного городка – и как же приятно, что меня никто не знает. Никто не пристаёт, чтобы вручить флайер или ещё какую-нибудь ерунду. Вот я ОДНА на опушке леса. Одна иду по тропинке через луг к речке... Так тихо... Я сама становлюсь тише. Иду молча или пою песенку. Пою по-русски. Не попсовую песенку, а душевную, такую, которую в мегаполисе петь стыдно. Вроде: «Во поле берёзка стояла...» Настроение в такие моменты всегда прекрасное. Я чувствую, что живу. Полностью ощущаю своё тело: чувствую, как упруго отскакивают мои кроссовки от земли, слышу пульсирующее сердце, вдыхаю воздух и наслаждаюсь этим.

С удивлением замечаю, что начинаю осмысливать происходящее со мной. Я смотрю на прожитое время в Лондоне и сравниваю себя, юную и смелую, только что приехавшую в Англию, с той юной и смелой, что уже освоилась здесь, свила своё «синичкино гнёздышко» в Челси, завела знакомства с другими синичками, воробьями, фазанами, орлами и даже ястребами. Кто из них лучше и чище? Не знаю, сложно сказать. Сейчас я неизменно мудрее, значит, даже если и не чище, то обязательно вернусь к этому. Чем больше мудрости я усвою, тем раньше пойму, что свет всегда побеждает тьму.

Ещё через многое предстоит мне пройти, многие проблемы решить, но ведь люди кардинальным образом не меняются. Если сердце чистое, то налёт грязи с него соскрести будет несложно. Только бы найти время. Я анализирую мои романы с «англичанами», которые оказались вовсе не англичанами, а просто типичными представителями Лондона, то есть иностранцами. Англичане в Лондоне – национальное меньшинство. Я обдумываю те три свидания, разной продолжительности, которые были у меня недавно. Одно продлилось несколько недель, другое один день, а сколько я любила датчанина – не помню, очень долго, целую вечность. Прихожу к выводу, что все эти романы были полезны. Все два. Один любил меня, другого любила я. Третье не считается, потому что романа с Майклом у меня не было. Думая

²⁸ «Вне зоны доступа» (Город 312).

об этом, прихожу к тем выводам, которые упомянула, когда рассказывала об этих свиданиях. В процессе романов я не осознавала, почему поступаю так, а не иначе, не задумывалась о причинах моих чувств и оттенках их грусти или радости. В мегаполисе я живу бездумно, по инерции, тело и мозг помнят, как нужно реагировать на те или иные события, они не понимают почему, но реагируют всё-таки, как положено, пока сбоя не было.

Выходные заканчиваются, и я в машине, несущейся в Лондон.

Глава 6

Незнакомец

Помню, как я сидела одна за столиком в маленьком уютном кафе на Кингз-роуд, не курила, потому что не курю, пила сок и теребила рукой синюю салфетку. Моя подруга Бекки всё не шла, я теряла терпение и перебирала в уме тех, кто ещё может оказаться свободным, чтобы пообедать со мной. Я была в словоохотливом настроении, и мне не терпелось поболтать с кем-нибудь из моих друзей, тем более что в суматохе повседневности, когда вроде ничем не занимаешься, но отчего-то постоянно занята и ни на что нет времени, я многих из них не видела месяцами.

Я позвонила двум друзьям, но они не взяли трубку, через некоторое время прислав похожие сообщения: заняты на работе и не могут говорить по мобильному. Бекки опаздывала уже на полчаса, что, впрочем, было совершенно в её стиле, и мне пора бы уже было привыкнуть к этому. Однако я всё же злилась, думая, что хорошо бы её познакомить с моим экс-бойфрендом Оливером, который тоже не отличался пунктуальностью, хотя и был приятным человеком. И чтобы они назначили свидание друг другу, и чтобы он опоздал на двадцать минут, и она ждала, а потом она на полчаса – и чтобы ждал он. Непонятно, почему я с таким злорадством рисовала в воображении эти картинки, но ничего не могла с собой поделать. Мне даже хотелось спрятаться, как только я замечу Бекки, заходящую в кафе, да хоть в туалете, и не выходить оттуда как можно дольше, пусть даже она и уйдёт. Пришла мысль позвонить Оливеру и поболтать с ним, коли уж он пришёл мне на ум, и я уже было начала набирать его номер, как вдруг почувствовала себя не совсем уютно, словно кто-то смотрел мне в затылок, и я обернулась. Моя интуиция не подвела: мне в спину действительно смотрели. Как только я обернулась и недовольно взглянула незнакомцу в глаза, он встал и уверенно подошёл ко мне. Представившись, он попросил разрешения присесть ко мне за столик. Это было нетипично дерзкое для англичанина поведение, но молодой человек был приятен и недурён собой, так что я согласилась. Он закурил, на этот раз разрешения не спросив. Учтивости его как будто поубавилось, когда он добился того, что сел ко мне за столик.

Искоса на меня поглядев, незнакомец тихо ухмыльнулся как будто своим мыслям, что я, впрочем, заметила, и сказал:

– Ну и чем ты занимаешься? Как зовут?

Я ответила.

После нескольких общих вопросов он вдруг начал меня поучать. Казалось, что именно для этого он и заговорил со мной.

– Вот ты думаешь, что красива, – спросил он утвердительно, продолжив, также не задавая вопроса. – Ты убеждена, что именно потому я и сел за твой столик.

– Я не говорила ничего подобного. – Я была уязвлена нравоучительным и насмешливым тоном, которым он говорил.

– Между тем все люди красивы. Ты тоже. Однако ж... Зачем ты стараешься быть красивой чужой красотой? Твои глянцевого журналы настолько вдолбили тебе стандарты, что ты изо всех сил стараешься походить на куклу Барби и всё меньше на саму себя. – Он вновь не спрашивал, а утверждал.

Я и без того была раздражена тем, что Бекки, по всей видимости, забыла про нашу уговоренную встречу, и меньше всего мне сейчас хотелось наставлений. Его тон меня окончательно вывел из себя. Я вспыхнула:

– Я не понимаю, почему вы вообще об этом заговорили?!

– Почему бы и нет?

– Ну, если уж на то пошло... Чужой красотой? Да вы сами, мужчины, хотите Барби! Мы же всего лишь реагируем на потребности рынка. В моде шатенки – мы красим волосы в каштановый цвет. Джентльмены предпочитают блондинок – по нашим плечам спускаются золотые пряди. Нынче интересны лёгкие в общении, не утомляющие своим интеллектом пустышки – мы заливаемся громким смехом, «О'кей!», и вот лёгкие непринуждённые Мэрилин Монро наводняют столицу. А если же вам и таковые наскучивают, мы тут же достаём из чуланов своей личности интеллект, надеваем очки, строгие костюмы, но всё так же стараемся тем самым угодить вам. Делаем мы это не из-за того, что безгранично глупы и податливы, нет, мы просто-напросто выживаем. Борьба за самца идёт нешуточная, приходится приспособливаться. Это не делает нам чести, но чем это вызвано? Вашими же стереотипами, это вам вдалбливают в голову, кого любить и кого не любить, что красиво и что не красиво, это вы боитесь иметь своё мнение, боитесь чувствовать, стесняетесь, когда влюбляетесь в недостаточно привлекательную в глазах общества девушку. И это вы с жестоким расчётом, добившись её (ведь вам-то и на самом деле её очень хочется), всё же бросаете, преследуя эфемерный идеал, с которым не стыдно будет показаться, именно этот эфемерный идеал вы сделаете своей женой, может, даже и правда полюбите эту женщину, но настоящие причины, всмотритесь в себя, они же вам известны. Вряд ли вы осмелитесь сделать это, потому как вы трусы. Видите, мы квиты. Мы все обречены прогибаться под общество. Мы не мужчины и женщины, мы социалиты, отлиты из социума.

Казалось, он не ожидал от меня столь пламенной речи. Некоторое время молчал, изучающе глядя на меня и затягиваясь сигаретой. Потом наклонился и провёл рукой по моим ногам. Я опешила, но ногу не отдернула, будучи уверена, что делает он это не из сексуальных целей, а чтобы подвести меня к ещё какой-то мысли.

– У тебя ноги побриты, – сказал он. – Зачем ты удаляешь то, что тебе дала природа? Волосы на ногах даны природой, они защищают твою кожу.

– Это антисексуально, – ответила я.

– Всё дело лишь в том, как ты на это смотришь. Волосы на ногах ничего общего с сексуальностью не имеют, равно как и волосы на голове или лобке. Ты, поди, и лобок тоже бреешь? – спросил он как-то уж совсем бесцеремонно.

Я посчитала нужным не отвечать, чтобы он осознал свою грубость.

– Вот ты сейчас стыдишься чего-то непонятно чего, – продолжил он. – Это же часть тебя. Почему ты стыдишься волос на лобке, а не ногтей на ногах?

Я не могла сказать, что когда-либо задумывалась над этим вопросом, а оттого смешалась и не нашла нужного аргумента. Я разозлилась пуще прежнего, словно он забил гол и теперь ведёт в матче.

– Секс естественен. Чем меньше обращать на него внимание, тем естественнее он становится. Самые яркие моралисты – самые большие сексолюбы. Они до того сладострастны, что начинают стыдиться этого, потому как видят секс повсюду, в каждом человеческом движении, слове, в предметах интерьера, в природе. Секс преследует их, они боятся его и клеймят, полагая, что все испытывают такое наваждение.

– Я согласна, что секс естественен, и так же, как и вы, считаю, что по части секса много чего накручено, шум из ничего. Но всё-таки вновь о различии полов: мужчина придаёт сексу гораздо больше значения, чем женщина. Мужчина хочет секса чуть ли не с каждой привлекательной женщиной.

– Позволю себе не согласиться. – Он посмотрел на меня с почти отеческой теплотой, как будто говоря мне: «Дитя, что за фантазии, что за вздор!», и продолжил так же ласково, наставляя, а не журя: – Женщины больше любят секс, чем мужчины, я убеждён в этом. Мужчина легче соглашается на секс, да, в то время как женщина более критична в выборе партнёра, но если такой выбор делает, то отдаётся своей страсти безудержно, фантазирует

и мечтает о физических ласках с тем, кого выбрала еженочно. Она растворяется в своём возлюбленном, представляет себя его собственностью. Не спорь, если её чувства сильны и правдивы, если она отдаётся им совершенно, то она рано или поздно становится их рабыней. Если же нет, мужчина не поверит, что она его любит, слишком глубоко вьелось в его сердце представление о том, что женщина, которая любит, должна отдаваться вся, без остатка. Не факт, и скорее факт, что он её при этом не полюбит, но есть большая вероятность, что для удобства оставит рабыню у себя и даже, может, на ней женится. Женщина гораздо более сластолюбива, она соблазняет, она излучает секс. Мужчина просто соглашается съесть яблоко, которое она ему подаёт. Не будь Евы, Адам бы и не стал утруждать себя этим.

– Что за вздор. Складно говорите, но как-то неубедительно, – сказала я, не признаваясь, что он всё же заставил меня задуматься.

На удивление самой себе, я начинала наслаждаться нашим спором. Я не соглашалась со многим, что он говорил, но так приятно было общаться с человеком мыслящим, который свободно выражал свое мнение, не прятал отсутствие независимости мыслей под маской политкорректности, вроде «я не выражаю того, что думаю, лишь бы вас не обидеть». Может, в чем-то он был груб и излишне прямолинеен, но я прощала ему это, потому что, сглаживай он все углы, столь честной беседы не получилось бы. Вероятно, мой собеседник тоже почувствовал перемену в моём отношении к его манере ведения разговора и потеплел. Теперь он смотрел на меня не по-отечески, а скорее, как друг, который делится своим опытом, но также готов чему-то поучиться и у меня. Между нами зародился ручеек взаимопонимания: мы были другими, не такими, как все, мы поняли это и смотрели друг на друга, как сообщники. В эту минуту дверь кафе распахнулась, и вошла запыхавшаяся Бекки.

Увидев меня с симпатичным молодым человеком, она заулыбалась, и её лицо, казалось, больше не выражало сожаления об опоздании, более того, направляясь к столику, очень весёлая, она слегка смущалась того, что по глупости бежала от метро до кафе, в то время как я, по-видимому, прекрасно провожу время. Может, она даже гордилась тем, что предоставила мне шанс посидеть в кафе одной и привлечь прекрасного незнакомца.

В последующие месяцы я часто виделась с этим парнем. Как-то мы даже переспали, чтобы снять это мешающее сексуальное притяжение между нами и общаться проще, развивая дружбу. Нам нравилось проводить время вместе. Мы полюбили читать одни и те же книги, чтобы потом обсуждать их и сравнивать наши точки зрения. Мы повсюду ходили вместе, но со временем стали замечать, что спорим всё меньше и меньше, наш характер сближался, мы становились ближе, однако основой нашей дружбы, её подпиткой, была дискуссия, спор. Поскольку наш жизненный опыт становился одинаковым, эта дискуссия стала утихать. Мы превращались в семью, но при этом ею не были. Чтобы освежить нашу дружбу новыми страстными интеллектуальными диспутами, мы решили на время расстаться.

«На время» до сих пор не прошло.

Бывало, я слышала о нём от появившихся общих знакомых. Говорили, что он купил роскошный дом в Таиланде и месяцами живёт там, а также в Мадриде, и в Лондон нынче заезжает не часто.

Глава 7

Породистые Скакуны и Поло-тайм

Английские «породистые скакуны» – создания очень холёные, привередливые и «окольцованные». Они очень гордятся своим происхождением и громко стучат копытом, если кто-то зарывается и этого не замечает. Их ржание отличается от ржания обычных лошадок. В юном возрасте всех «породистых скакунов» отдают на «воспитание» королеве, чтобы, слушая по телевизору её правильный английский,²⁹ они ржали так, как положено их породистому клану, завели знакомства с другими породистыми скакунами (необходимо поддерживать чистоту крови), ну и вообще, престиж для породистых скакунов очень важен.

Я познакомилась с одним из них в баре в Челси. Обычное вечернее времяпровождение среднего «породистого скакуна» – как ни банально, это пивнушка, или, как они её называют, паб. Скакуны пьют много и часто. А чего бы им не пить? У них море времени и денег. Работа не волк... К тому же зачастую работа у этих «скакунов» чисто символическая, или «вечно-студенческая». Нет, есть, конечно, и примерные «скакуны», которые после пахоты возвращаются домой, в стойло... Однако мой Джеймс был не из таких.

Джеймс, конечно, был окольцован, то есть носил на мизинце руки золотое кольцо с фамильным гербом, «signet ring». Его ржание отличалось роскошным posh-выговором. Posh-выговор и употребление posh-фраз для него и ему подобных было обязательно. Помнится, как-то бедная мамаша Кати Миддлтон, девушки Принца Уильяма, имела неосторожность, переспрашивая о чём-то, сказать «Пардон» (не posh!), назвала уборную комнату «туалетом» (очень не posh!), а также, если верить слухам, приветствуя королеву, сказала «Pleased to meet you!»,³⁰ а не «How do you do?»,³¹ причём первая приветственная фраза отличается большей теплотой и заинтересованностью в собеседнике, нежели вторая, которая, хотя и является вопросом, ответа не требует. Высококультурный англичанин на вопрос: «Как вы поживаете?» – неизменно ответит вопросом: «Как вы поживаете?», при этом оба улыбнутся, и – всё. На самом деле, им глубоко безразлично, как в действительности вы поживаете. Свои проблемы и переживания оставьте, пожалуйста, для исповеди в церкви. Так вот, после того как мама Кати Миддлтон оплошала, о чём незамедлительно раструбили все местные газетёнки, я заметила, что все мои породистые знакомые поспешили сменить свои какие бы то ни было приветственные фразы на «Как вы поживаете?», а ведь большинство из них до этих историй в газетах тоже говорили «Рад вас видеть». Не совсем понятно, почему это произошло. У меня есть пара версий. Версия первая – это элементарная трусость. Англичане слишком любят судачить и перебивать друг другу косточки, так что некоторые поспешили исключить любую возможность подобных пересудов и сомнений в том, что они относятся к привилегированному классу и говорят, как положено. Вторая версия – это самодовольство и гордыня. Posh-англичане ищут любую возможность, чтобы подчеркнуть своё происхождение, и это было подходящим поводом.

Джеймс закончил Итон, одну из самых престижных частных школ Англии. Я заметила, что ребята из Итона, в общем хорошие ребята, переоценивают значение этой школы в смысле значимости для других людей, которые там не учились. За всю нашу первую беседу Джеймс упомянул то, что он учился в Итоне, не менее четырёх раз. Видя, что это не произвело на меня ожидаемого впечатления, Джеймс принялся объяснять мне, что такое Итон

²⁹ Queen's English, RP – королевский английский; эталон устной и письменной речи.

³⁰ Рада вас видеть! (англ.)

³¹ Как вы поживаете?

и что в социальном плане значит человек, который там учился. Я это прекрасно знала, так что полудетские объяснения Джеймса так и не достигли желаемого результата. «Странно, – скажет он позже, – когда я говорю: „Итон!“ , обычно это производит эффект разорвавшейся бомбы...»

Если честно, то эффект был прямо противоположный. Многие ребята из Итона, с которыми мне довелось общаться, будучи образованными и приятными молодыми людьми, были также невероятно скучны, однообразны и о-о-очень степенны. В них не было жизни. Они были похожи на древних старцев, милых, умных и добрых, но, увы, совершенно сексуально непривлекательных.

Не сумев впечатлить меня своей школой, Джеймс как бы ненароком сказал, что купил дом в Челси, спросив, где живу я. Он очень удивился и, казалось, был раздосадован, узнав, что я тоже живу в Челси.

В процессе нашего дальнейшего разговора я поняла, что Джеймс был ещё и сплетником. В принципе, он был далеко не в меньшинстве, сплетничать многие английские мужчины очень любят. Причём болтают они не только о бабах, но и друг о друге, что, я так полагаю, нашими мужчинами уважалось бы мало. Он стал расспрашивать меня о нашем общем знакомом Джульене, о том, с кем, по моему мнению, он спит, сколько у него было любовниц в жизни, а не кажется ли мне, что Джульена могут уволить с работы, ведь он так много пьёт...

Джеймс играл в поло. Сказать по правде, из всех его попыток поразить меня эта была самая удачная.

В поло соревнуются две команды, по четыре человека в каждой. Игрок верхом на лошади должен забить клюшкой мяч в ворота соперников, причём клюшку можно держать только в правой руке. На воротах никто не стоит, но их, разумеется, охраняет вся команда.

Поло очень красивый спорт. Всадник и его конь составляют единое целое, «породистые скакуны» становятся таковыми в прямом смысле слова. Быстро несущиеся лошади из одного конца поля в другой излучают дикую мощь и силу, наездники должны не только суметь укротить их, но и, придерживая лошадей, уметь орудовать клюшками с математической точностью, отбиваясь от атак соперников, и, оторвавшись от них, забить мяч в ворота.

Поло-стиль заслуживает особого внимания. Рубашки поло сочетают в себе элегантность классики и удобство спортивного стиля. Такие рубашки в большой моде, если такое слово вообще уместно в отношении стиля, который выше моды и быстро меняющихся тенденций и настроений. Все рубашки поло имеют небольшой отложной воротник на стойке – одно из правил поло-моды.

В Англии проводится множество поло-матчей. Самый известный, со светской точки зрения, это Cartier International, проходящий в июле, который иногда посещают члены королевской семьи. После матча проходит традиционная Chinawhite³² вечеринка, на которой собираются представители светской тусовки, socialites, которые не факт, что любят поло, просто вечеринка в Chinawhite на Cartier International слишком известна и привлекает всех любителей хороших «party».

Билеты на Cartier International лучше брать заранее, иначе их просто-напросто может не быть, ввиду огромной популярности данного мероприятия.

³² Знаменитый клуб в Лондоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.